
Нам велел господарь
Не жалеть на противника порох.
Да и собственной крови
Велел не жалеть нам, как встарь.
И хрипело в груди,
Пот кипел в цепенеющих порах,
И махал нам рукой,
И смеялся во след господарь.

Мы кричали и шли,
Мы утробное что-то кричали.
И в кровавую жижу
Уже превращалась роса.
Мы – живучей врага,

Мы – живучей отточенной стали...
Прикипали к шеломам
Вспотевшие враз волоса.

Эта жуткая сечь...
Скособоченных лиц пучеглазье...
Этот, насквозь пронзенный,
Роняющий кишки живот...
Не слыхав про экстаз,
Мы метались в кровавом экстазе,
Меч вонзая в убитых –
А вдруг, полежав, оживет?

Каждый тихо молил –
Не по нем чтобы ладили тризну,
Каждый страстно хотел
Кровь врага, как вино, изолка^ть,
Перед смертью вдыхая
Серебряный воздух Отчизны,
Чтоб вражина не смел
Тот серебряный воздух вдыхать.

Отступала дружина,
Чтоб лишние силы не тратить.
Отступая, кричали любимым своим:
«Я вернусь...»
Враг врывался и жёг,
Местных девок спеша обрюхатить.
И в колодцах топил
Осиянную светлую Русь...

И родился народ...
Из Орды и непаханных пашен,
Из вражды и проклятий,
Из тысяч смертей в недород...
Мы им-- головы с плеч,
Они женщин брюхатили наших,
Перемешаны крови ...
Но все же родился народ.

Как его разделить,
Хоть уже наплодилось умельцев
Только ужасы помнить,
Не помня связующих вех?
Тут поди отличи
Поджигателей от погорельцев,
Коль одно пепелище,
Одно пепелище на всех...

ИНОРОДЕЦ

Ему сказали: «Ты не крещен...
Какой же воин ты за Россию?
Ты – инородец...» Крестился он,
Нательный крестик надев на выю.

Смешались кони и племена,
Хлестала кровь, и гремела сеча.
И зажигала в глазах война
Какой-то ужас нечеловечий.

И побежала, разбита, рать –
Не защитило ее крещенье.
Бежать... И спешившись, умирать,
Надеясь в смерти найти прощенье.

А он стоял... Не сдавался он.
С крестом на вздутой, багровой шее.
И кровью харкал, что он крещен,
И что крещеные – всех сильнее...

Пришла подмога... Впадая в раж,
Промолвил князь, на крови возвращенный:
«Господь был с нами... А тот – не наш...
Он – инородец... Хотя крещеный...»

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось – Батыи
Всех черных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово – основа, за слово – под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу... Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
И жить – тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснолицый...

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал...Знал – нету другого.
И молился, и Бога просил – огради
Птицу русского слова...

Горизонт непонятым
Свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие языки...

Ни в чёрта и совсем ни в Бога мать,
Не в ту строку свое вставляя лыко,
Но я спешу прощаться и прощать,
Хотя прощенье зло и многолико.

Ты мне не дашь ни права на печаль,
Ни права на сокрытое возмездье.
И тень твоя умчит в немую даль,
Вскочив в вагон на ржавом переезде.

Очнусь от горя лишь на третий день,
Протру травую драные колени,
И долго буду шарить тени тень,
Как внучку золотой твоей предтени.

Случайный встречный молвит: «Молодца,
Дай водки дураку – совсем упьется...».
И лишь оскал разбитого лица
Всплывет со дна забытого колодца.

Падшие ангелы ввали о Боге
И о его воскрешении ввали.
Только б не скучно им было в дороге,
Только б свой путь одолеть без печали.

Верили в сказки наивные люди –
В сказки и вымыслы верится проще.
Им повелели не думать о блуде,
Жить по скрижалям, казнить, кто возропщет...

Падшие ангелы в здравии, в силе
Двигались, видя – их слушают немо.
Падшие ангелы тайно грешили,
Но не карало их грозное небо.

Так и блуждали они по планете –
В радости, в игрищах и без печали...

Делались взрослыми малые дети,
Детям своим послушанье внушали.

Сколько их, падших?.. Оравы несметны,
С каждою дружен предатель Иуда.
Смертны преданья... Иуды бессмертны,
В этом и есть наивысшее чудо.

Ну а когда, бесшабашные, сияясь
Больше не верить бессмысленной силе,
Падшие ангелы Богу молились
И о спасенье напрасно просили –

К ним приходил хитроглазый Иуда,
Долго твердил о небесной потере.
И обещал им великое чудо,
И ухмылялся, что падшие верят...

Там, где пустошь, василькам не цвести.
Ты сказала: «Хоть трава не расти...»
И ушла, не оглянувшись... И вот
Третий год, как здесь трава не растет.

Было небо синевы голубей.
Ты сказала: «Не гоняй голубей...»
Только это и успела сказать...
Третий год здесь голубей не видать.

Целовались, но остались на «Вь» ...
Третий год ни голубей, ни травы.
Только старая ветла, а над ней
Небеса, что синевы голубей.

Старый домик... Старый дом, отчий дом.
Третий год, как дом пустили на слом.
Третий год здесь ничего не цветет,
Третий год уже пошел, третий год...